

посвящаю ЕЙ
и всем тем, кто так и не привык
к московским пробкам

Старый потрепанный ежедневник.
Дневник девушки.
Записи неровным, улетающим почерком. Синей
ручкой.
Только первые несколько строчек красным фло-
мастером.
Надписала, видимо...

---

*Домодедово. Ожидание. Страницы дневника в об-
ратном порядке. Читаю и думаю, где упустила. И сов-
сем не думаю о том, в чем победила. Снова прохожу че-
рез себя нашу маленькую историю, наверное, все же
большой любви. Никаких новых ощущений. Может, из-
за того, что я все еще нахожусь в ней? Значит, она не
закончилась?..*

* * *

Дождавшись зеленого благословения светофо-
ра, галдящая толпа вступает на зебру, спешит пе-
рейти на противоположную сторону дороги. Все

почти бегут, а я останавливаюсь на пятой полоске-середке, запрокидываю голову. С ванильного неба сыплются белоснежные пушистики, и мне становится так хорошо, что даже конец света кажется делом, еще поправимым. «Эй, тормоз, двигайся!» — под аккомпанемент сигнального рева гонит меня хамоватый водитель. Пора научиться жить жизнью. Время фантазийных альбомов-раскрасок осталось позади...

* * *

Прошлое затаило дыхание на кончиках моих пальцев. Учусь жить в настоящем настоящим. Я поливаю свое миниатюрное лимонное деревце и разбираю полную сумку спутавшихся целей. Не знаю, что будет дальше, но знаю, чего хочу. Я иду вперед, но у меня нет ни направления, ни заряженных батарей, в голове одни вопросы, а в глазах — неутомимость арабского скакуна. И мне нужно любой ценой заполучить приглашение на праздник жизни...

* * *

Я пытаюсь поймать время, остановить его, сжать в объятиях, но все тщетно. Оно улетает, уносится. Хвастливо улыбается с высоты, гордится своим превосходством. И я понимаю, что время, по сути, такое же неудержимое, как любовь. А любовь, как и время,

невозможно запрятать глубоко, надолго — все равно прорвется, все равно заявит о себе. Вознаградит или обожжет...

* * *

Он.

Он появился тогда, когда рассвет в моих днях просыпался поздно, с опозданием на пригоршню часов. Все вокруг вдыхали свежие надежды утра, а я все еще не выключала свет в спальне, сидела у окна, пыталась разбудить сонное небо горячим кофейным паром. Появился без предупреждения. Открыл дверь невидимыми ключами, протер заснеженные ботинки у входа, вдохнул аромат стойкости в полуразрушенную хибару моих отчаяний и — остался. Он не спрашивал разрешения, я не настаивала, приглашая. Я вообще не приглашала. Он просто остался, а я осталась вместе с ним.

Мы вели жизнь-наоборот, жизнь-протест. Спали на полу, мыли головы над унитазом, ужинали на балконном морозе, спорили в лестничных пролетах, целовались на плечах подъездов, смешивали и взбалтывали Миллера с Прустом, а остывший кофе — с теплым киселем, появлялись на остановках наперекор расписанию, мечтали о вероятностях, но не стечениях. Я не подчинялась ему, он не верховодил мной. Мы жили как два взрослых персидских тигра, помещенных в одну клетку московско-

го зоопарка, которые на удивление легко сошлись. Тоже без выяснения ролей, притираний. Им (то есть нам, но мы были какими-то не своими, новыми, так что хочется говорить в третьем лице) было хорошо вместе...

Мы не царапали друг друга, не огрызались, демонстрируя свои характеры, сформированные в других сообществах, ареалах, континентах, случаях. Мы пришли друг к другу такие уставшие, изможденные, — нам хотелось простых наваристых щей на прогретой кухне, а не пафосного выебона из серии «специально пропущенные звонки». Хотелось настоящего завтра, вне обязательств. Проснуться в мягком сплетении собственных тел и сказать друг другу засохшими спозаранку голосами: «Время вставать, любовь моя...»

Мы стояли с ним в пробке на Дмитровке, проводили взглядами громящую по мосту электричку, и где-то в подворотнях сознания оба задавались вопросом: «Во что верить?» Задавались и совершенно без сожаления понимали, что ответа на этот вопрос (как, в принципе, и на все остальные) не знаем. Может, это было время такое — отсутствия ответов на вопросы? Лучшее время. Оно бывает. Поверьте. Оно нужно. Опять-таки поверьте.

Мало говорили, больше чувствовали, дополняли молчание прикосновениями. Нет ничего красноре-

чивее безмолвных прикосновений. Вечерами мы ели какую-то банальную стряпню и смеялись с неистребимой легкостью. Уплетали подгоревшие в забытьи страсти голубцы. Самые вкусные голубцы на свете, приготовленные пусть и по самому ошибочному рецепту...

Послать на фиг обстоятельства — удалось. Мы ничего не делали для этого, ничего конкретного. Оставались собой, свободными и несгибаемыми. Да, прежде были в наших жизнях мгновения, когда сильно хотелось отправить всё-вся куда подальше и выписать себе по каталогу другую жизнь, но желания шли наперекор необходимости. С желаниями всегда так: нужно сохранить силу, не переставать желать. Правда, мы получаем многое тогда, когда оно нам уже не нужно.

Сейчас же наша благодарность распространялась даже на эти жизненные опоздания, которые зачастую сбивают нас с толку, замедляют ход, задерживают воссоединение мостов. И «спасибо» это было такое искреннее, немое, рожденное в глубоком внутри.

Лично я произносила его тогда, когда засыпала в пространстве между его рукой и боком. Где-то прямо по курсу ворчал телевизор, как всегда забытый нами включенным, в районе прихожей гулкими стонами общались трубы, а мне было так хоро-

шо, что я поднимала взгляд сквозь три этажа над нами и благодарила того, кто живет в бесподобном космическом одиночестве там, где заводь облаков. И в этом «спасибо» не было нечаянного страха потерять-лишиться-потратить-проиграть. Только абсолютное доверие мгновению и полное отсутствие планов на послезавтра. Так правильнее. Было. В тот момент...

* * *

Любовь — прежде всего свет. А потом — все другое. Невозможно жить в комнате без света. В ней можно только существовать — в светлое время суток. Долго существовать — неделями, месяцами, годами. Укладываться днем с частью дел, а вечерами — обходиться фантазиями, провожать-продавать дни в самообмане, пока не припрет к стенке оно, ненавистное одиночество.

Мы живем в поисках света. Мы рождаемся ради света. И не надо про то, что любовь — это не свет. Без любви темно даже с самыми мощными лампами...

Я больше не передвигаюсь по ночным параллелям на ощупь. Я могу уверенно ходить с закрытыми глазами — хотите, продемонстрирую? Мне больше не нужно небо для освещения выбранного пути. Теперь я бескорыстна по отношению к нему. Теперь я ценю небо не за источаемый свет. Ценю

его за то, что оно просто есть: близко. Рядом. Или сверху — как лучше сказать?..

Он принес в мою жизнь тот самый свет, который согрел, осветил меня. Это не просто слова из девчачьих неуклюжих стихов, это не пафос. Так и есть. Свет, который существует физически.

Меня особенно вдохновляло то, насколько мы с ним были реальными. В отношениях недопустима отрешенность. В мимолетных вспышках она еще возможна, но не в отношениях — там она нарушает права другого. Права, которые есть у него на тебя.

Наша реальность началась с того, что я подарила ему на День влюбленных креветочную пищу в форме сердца, а он мне — лицензионный пакет «Касперского». Прекрасно! Мой компьютер, как и сердце, давно должен был освободиться от лишнего, вылечиться от вирусов и прочих медленных убийц. И мы даже не сказали друг другу *спасибо*, не ахали, не выражали приятное удивление никак. Влюбленные. Ограничились поцелуем и разбежались по нуждам. Он — в душ, я — домыть посуду. Так и должно быть.

Вы замечали, что хорошие сказки всегда очень короткие? Моя тетя Зинаида всегда твердит: «Надо увлекаться не красивой сказкой, а красивой реаль-

ностью». Вот мы и увлекались. Во всяком случае, разукрашивали окружающую нас реальность как умели... Тут и сказочке конец.

* * *

«...Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков»...»

* * *

Выбирай я место своей смерти, не задумываясь, умерла бы у его красивых ног. Чуть кривоватых, в жестковатой сеточке волос, с крупными ногтями на аккуратных пальцах. Они были откровенно мужественные, сексуальные, и эта brutальная естественность рождала во мне дикое чувство собственника. Собственницы. С ним превращалась в животное, натуральную блядь. В постели мы не обсуждали своих желаний — обходились взаимным чутьем. Я с удовольствием делала ему минет, а потом спешила проглотить со смешной жадностью, будто тем самым убеждаясь в его полной принадлежности мне. Я любила его тело. Крепкое, местами рыхлое, волнующе пахнущее новизной, наполненное скрытой силой.

Он брал меня на бачке унитаза, и я не стеснялась сиплых выдохов, отчетливо слышных соседям сквозь тонкие перекрытия. Он трахал меня в неудобной позе прямо в машине в зарослях областного шоссе, и такого восторга я не испытывала даже на шелковых простынях люксового номера «Кемпинского». В сексе мы ценили свободу. В сексе раздвигали рамки так называемого приличия, создавали законы заново, для нас двоих. Нашими лучшими диалогами были его поцелуи на вдох и мои поцелуи на выдох. Каждый раз под прохладными струями в душе я прикасаюсь пальцами к следам его губ. Они до сих пор горят на моем теле невидимыми клеймами...

* * *

До его появления я говорила о любви исключительно в прошедшем времени. Как об анахронизме. Вот мне не было ресурса, чтобы поверить во взаимность. Я не жила крайностями, оглядками, воспоминаниями. Никаких самоистязаний — переносила боль на ногах, носила в себе, не давая ей права выйти наружу. Я была слишком гордой, чтобы показывать кому-либо душевный изъян, свою увечность, но для всех продолжала быть «сильной навсегда».

Только оставаясь наедине с собой, позволяла выйти горечи и тонула в ней, закрыв окна автомо-

биля. Крик Земфиры в колонках, испуганные метания сигаретного дыма, скользкие ладони на руле, полупустой ночной МКАД, намеренное превышение скорости, взбесившиеся от дождя «дворники». И тот самый Хранитель надо мной. Сейчас понимаю, что если бы не он, я точно не увернулась бы от встречных автомобилей...

Мои поступки того времени не определялись желанием что-либо доказать, себе или другим. Я просто жила чувствами, не задумываясь о необходимости разделения ценностей, осмысления опыта, извлечения наболевшего. Мне нужно было это пережить, чтобы выйти из огня обновленной птицей Фениксом и стать той, кто я сейчас... Как страшно смотреть назад. И малодушие смешивается с гордостью: малодушие — потому что я не смогла бы пройти через свое прошлое снова, а гордость — от того, что я это все-таки сделала однажды.

И я уже приблизилась к долгожданной точке обретения себя, разрушавшейся и возрожденной, бывшей и несбывшейся, когда появился он. Мое счастье из мяса и костей. Так я стала его называть вслед за Мадонной с ее «Little star». Он поцеловал меня в лоб, теплыми руками обхватил, приютил и утешил, увел меня с бесконечных одиноких, темных лестниц. Прижал к себе сильно-сильно и перенес в радостный край, где яркое